

10. Прилуцкая, Т. И. Западно-европейское искусство XV века. / Т. И. Прилуцкая. – М. : «Изобразительное искусство», 1972. – 72 с.
11. Рачиловский Н. С. Элементы Ренессанса в «Великолепном часослове герцога Беррийского» / Н. С. Рачиловский // Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания: материалы IV Международной студенческой научно-практической конференции, Минск, 19 апреля 2019 г. / Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка; редкол.: А. В. Касович (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2019. – С. 123–125.
12. Стародубова, В. В. Братья Лимбурги. «Времена года». / В. В. Стародубова. – М. : «Изобразительное искусство», 1974. – 110 с.
13. Эдит Лайта. Ранняя французская живопись. / Эдит Лайта. – Будапешт. : Корвина, 1980. – 80 с.
14. Baroncelli chapel – Santa Croce Florence [Электронный ресурс] // SANTA CROCE FIRENZE. – Режим доступа: http://www.santacroceopera.it/en/ArchitetturaEArte_CappellaBaroncelli.aspx/ – Дата доступа: 22.03.2020.
15. Bible moralisée des frères Limbourg [Электронный ресурс] // patrimonioediciones.com. – Режим доступа: <https://patrimonioediciones.com/portfolio-item/biblia-moralizada-de-los-hermanos-limbourg/?lang=fr/> – Дата доступа: 22.03.2020.
16. Donati, P. P. Taddeo Gaddi. / P. P. Donati. – Firenze. : Sadea Editore, 1966. – 83 с.
17. Gaddi, T. The Presentation of the Virgin at the Temple [Электронный ресурс] / T. Gaddi // Louvre. – Режим доступа: <https://www.louvre.fr/en/oeuvre-notices/presentation-virgin-temple/> – Дата доступа: 22.03.2020.
18. Gaddi, T. Intervento degli affreschi della cappella Baroncelli [Электронный ресурс] / T. Gaddi // SANTA CROCE FIRENZE. – Режим доступа: http://www.santacroceopera.it/it/ArchitetturaEArte_Restauri2006.aspx#c19bed06-57d4-4849-a585-b1e52557149b/ – Дата доступа: 22.03.2020.
19. Les Très Riches Heures du duc de Berry – 3 [Электронный ресурс] // Altmarius cultură și spiritualitate. – Режим доступа: <http://altmarius.ning.com/profiles/blogs/les-tres-riches-heures-du-duc-de-berry-3/> – Дата доступа: 22.03.2020
20. MAÎTRE DES ANGES REBELLES [Электронный ресурс] // Louvre Museum Official Website. – Режим доступа: http://cartelen.louvre.fr/cartelen/visite?srv=car_not&idNotice=1279/ – Дата доступа: 22.03.2020.
21. The Duke of Aumale [Электронный ресурс] // Domaine de Chantilly. – Режим доступа: <https://www.domainedechantilly.com/en/accueil/history/duke-aumale/> – Дата доступа: 22.03.2020.

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В ОБЛАСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ (1933–1939 ГГ.)

В. А. Сакович,

*аспирант кафедры всеобщей истории,
и методики преподавания истории*

*УО «Белорусский государственный
педагогический университет имени Максима Танка»*

Практически сразу после прихода к власти А. Гитлера по всей стране началось внедрение в социальные институты нацистской «догматики». Изменения проводились в соответствии с политической концепцией унификации (Gleichschaltung), суть которой сводилась к установлению контроля над общественной жизнью Германии, т. е. ее фашизации. С этой целью был выпущен ряд специальных нормативных правовых актов.

Общая унификация образования не прошла мимо и профессорско-преподавательского состава. Начались нападки на преподавателей еврейского происхождения, вынуждая их покинуть страну. Как бы странно это не выглядело, но большинство профессоров и доцентов поначалу были весьма лояльны новому режиму и даже проявляли определенный энтузиазм. Это можно объяснить тем, что многие педагоги высшей школы весьма враждебно относились к Веймарской республике из-за постоянных сокращений финансирования университетов, в результате чего жалование преподавателей стало мизерным: если до войны оно было приблизительно в 7 раз больше, чем у неквалифицированных рабочих, то после войны только вдвое. Справедливости ради стоит отметить, что дифирамбы нацистскому режиму профессора пели недолго и через несколько лет даже те, кто открыто призывал встать на сторону нацистов, начали менять свое мнение [2, с. 39].

Одним из наиболее ярких проявлений фашизации в высшем образовании стал день 6 мая 1933 г., когда действие закона «О восстановлении профессиональной государственной службы» было распространено на вузовских преподавателей [4]. Этот закон позволял освободить от должностей всех государственных служащих, политически и идеологически не устраивавших молодую власть. На практике он служил для исключения из государственного управления «неарийцев», главным образом евреев [10]. Для устранения разночтений в определении «неариец» и политически «неблагонадежный» через 4 дня было выпущено первое дополнение к закону [6]. В рамках высшей школы это оказалось более ощутимо, нежели в других областях, поскольку,

несмотря на небольшую долю евреев среди немецкого населения (менее 1 %), в вузах страны работало приблизительно 6 % «профессоров-евреев» [1].

На 1932 г. во всех немецких университетах насчитывалось 6140 преподавателей [13, S. 139]; в технических же и других высших школах, если суммарно было 7984 [14, S. 825], цифра составляла 1844. К началу зимнего семестра 1933–1934 г. было уволено 1145 преподавателей, из которых 313 занимали должность профессора [3, с. 508]. На конец 1934 г. было уволено 15 % всего преподавательского состава, 11 % из которых были ординарными профессорами [14, S. 824].

При этом «чистки» среди университетов распределены неравномерно. Больше всех пострадали университеты Берлина, Франкфурта на Майне, Бреслау⁴ и Гейдельберга, где потери среди преподавателей были значительно выше, чем в иных учебных заведениях такого ранга. Среди вузов Германии потери университетов составляли почти 80 % [11, S. 125]. Основной причиной увольнений являлось еврейское или неарийское происхождение.

В отдельных заведениях количество уволенных специалистов поставило под угрозу весь учебный процесс. В том же Гейдельбергском университете в начале летнего семестра 1933 г. работало 45 «преподавателей-неарийцев», а к августу их было уже 24 [1].

«Чистка» в большинстве своем не встретила заметного сопротивления преподавательского состава, как со стороны уволенных, так и со стороны их бывших коллег по кафедре. Как правило, это обуславливалось рядом причин, начиная от опасений за собственное место и заканчивая меркантильными соображениями вроде продвижения по карьерные лестницы, или попросту приверженностью антисемитским и антикоммунистическим взглядам. Не добавляла желаний защитить своих «неарийских» коллег и экономическая ситуация, поскольку на 1933 г. в стране имелось 40 000 безработных с высшим образованием.

Во Фрайбурге, к примеру, представители партийной и местной номенклатуры начали «выживать» вузовских преподавателей раньше, чем это официально было разрешено. Так, 6 апреля 1933 г. партийный руководитель земли Баден Р. Вагнер распорядился уволить всех сотрудников, список имен которых ранее был опубликован в газете «Der Alltags». Примечателен тот факт, что автором списка был их коллега, заведующий кафедрой психиатрии. После этого, дабы не создавать скандал, руководству университета было дано указание, получить от каждого письменное согласие с таким решением. 12 апреля все было выполнено [1].

С университетских и институтских мест сотрудники смещались или же добровольно подавали в отставку, в том числе крупные ученые, которых заподозрили в родственных связях с евреями или неблагонадежности. Среди них оказались и двадцать настоящих и будущих нобелевских лауреатов: М. Борн, Ф. Габер, Г. Гебц, Г. Кребс, Э. Шредингер, А. Эйнштейн и др. [3, с. 509].

Были также случаи, когда ученые и преподаватели пытались отстоять своих еврейских коллег. Так, всемирно известный химик Ф. Габер, хоть и являлся евреем по происхождению, но мог оставаться на своем посту, однако ушел 30 апреля 1933 г., после того как уволили многих из его коллег-евреев. Он заявил, уходя, «что не потерпит указов, кого ему следует или не следует выбирать в качестве помощников» [3, с. 509–510].

Еще один случай произошел в Гейдельбергском университете, где сотрудники медицинского факультета 5 апреля 1933 г. направили официальное заявление в «министерство образования» с протестом против увольнения евреев, хоть и в очень мягкой форме: «Мы не можем не отметить, что немецкое еврейство вносит огромный вклад в науку и что многие выдающиеся врачи являются евреями. Именно как врачи мы чувствуем себя обязанными при всех требованиях народа и государства быть представителями истинной человечности и предупредить об опасности там, где чувство ответственности вытесняется чисто эмоциональным или инстинктивным насилием» [1]. Данное обращение, разумеется, выглядит весьма сомнительной идеей, если обратиться к словам министра культуры Баварии, который в 1933 г. заявил перед профессорами буквально следующее: «С этого момента вы не должны решать, что является истинным, а что нет, вы должны решать, соответствует ли оно интересам национал-социалистической революции» [3, с. 512].

Для системы высшего образования Германии 1934 год стал судьбоносным, поскольку 1 мая было создано Имперское министерство науки, воспитания и народного образования во главе с прусским министром Б. Рустом [5]. Это вкпе с предшествующим упразднением автономии вузов сделало высшую школу беззащитной перед реформистскими амбициями новоявленных управленцев.

1935 год начался для вузов страны с принятия закона «Об увольнении и переводе преподавателей высших учебных заведений в связи с изменением системы высшего образования», который предоставил Б. Русту весьма широкие полномочия [9]. Как было упомянуто ранее, в некоторых университетах увольнения достигли таких масштабов, что преподавание отдельных дисциплин находилось под угрозой. На основании данного

⁴ Современный г. Вроцлав (Польша).

закона для решения этой проблемы допускалось перемещать в приказном порядке преподавателей из других университетов, что не могло не повлиять на их мнение о нацистском режиме. Он вместе с законом, принятым 9 апреля 1938 г. по сути сделал всех преподавателей высшей школы подневольными рабочими «лба»⁵, которых при необходимости могли отправить на благо Рейха в любую точку страны [8].

Также 1935 г. в системе государственного управления и сфере высшего образования произошла вторая волна чисток. После смерти П. Гинденбурга в августе 1934 г. и принятия осенью 1935 г. «Нюрнбергских законов», любые исключения из «апрельских законов» убирались. Так, по оценкам Э. Хартсхорна, офицера, занимавшегося денацификацией в системе высшего образования, в 23 университетах Германии в 1932–1933 гг. работало 5752 преподавателя, без учета эмеритов и не хабилитированных ассистентов. Из них, по его же сведениям, в период с 1933 по 1936 г. было уволено 939 университетских преподавателя, или 16,3 % [11, с. 127].

Также можно отметить, что отдельные университеты пострадали значительно сильнее по сравнению с остальными. Это видно на примере Берлинского и Франкфуртского университетов. Объяснить такую ситуацию можно, скорее всего, тем, что во многих университетах и без нацистского влияния царил атмосфера антисемитизма и национализма. Евреев и других «неарийских» представителей попросту не брали на работу, а если и брали, то на мелкие должности. За весь период существования Третьего рейха было уволено 1684 преподавателя высшей школы [14, с. 824].

Как говорилось выше, репрессии по отношению к преподавателям проводились в большей степени в стенах университетов. Например, только в 15 университетах Германии с 1933 по 1945 гг. был уволен 901 преподаватель из 4 358, или 20,7 %. При этом даже среди разных университетов была существенная разница по количеству потерь. Так, среди наиболее пострадавших были: университет Франкфурта-на-Майне, потерявший 128 преподавателей, или 36,5 % своего педагогического состава, Берлинский университет – 278 (34,9 %), Гейдельбергский – 64 (25 %), Гамбургский – 66 (21,4 %), Геттингенский – 52 (20,6 %) и Кельнский – 51 (20,4 %). Если оперировать абсолютными числами, то суммарно это составляло 639 человек [11, с. 140].

Существовала и разница между предметами. Так, за время чисток сильнее всего пострадала математика: под репрессии попало 187 преподавателей. Из двух университетов – Геттингенского (27) и Берлинского (49) – были изгнаны 2/3 преподавателей вышеназванной дисциплины. В остальных немногим меньше: во Франкфурте-на-Майне – 8, в Кенигсберге – 6, в Брауншвейге, Фрайбурге, Мюнстере – по одному.

Большое количество увольнений в столице рейха обуславливается тем, что именно Берлин считался оплотом коммунистов и демократов, а вдобавок к этому еврейское население Германии в большинстве своем жило в крупных городах или рядом с ними. Так, из 278 уволенных 252 были евреями, остальные увольнялись из-за жен евреек либо по политическим мотивам. Кроме этого еще 9 подало в отставку «самостоятельно». Таким образом, крупнейший университет страны потерял около 36 % своих педагогов [1]. С Геттингеном было все еще сложнее. Там к концу 1934 г. практически не осталось серьезных математиков. По крайней мере, когда на встрече в университете министр Б. Руст поинтересовался у выдающегося математика Д. Гильберта, что с математикой в его вузе, тот ответил: «Господин министр, в Геттингене больше нет математиков» [2, с. 49].

В основном чистки затронули преподавателей и исследователей, которые являлись евреями или имели жен евреек. Все в том же исследовании М. Грюттнера указано, что из 15 университетов, по которым удалось собрать достоверные данные, в промежутке с 1933 по 1945 гг. был уволен 901 преподаватель. Причем он выделил три категории уволенных: 1) евреи и «неарийцы», 2) евреи или «неарийские» супруги, 3) прочие. Так, из 901 уволенного 645 (71,6 %) были евреями и «неарийцами», 79 (8,8 %) имели таких супругов, а 177 (19,6 %) относились к третьей категории. Последняя условно разделена на политических и идеологических: члены левых партий и сил, либералы, консерваторы, жертвы борьбы с церковью и гомосексуалисты [11, S. 144–145].

Разница была и в процентном соотношении между мужчинами и женщинами. На тот же зимний семестр 1932–1933 гг. из уволенных преподавателей только 74 являлись женщинами, или 1,2 % от всех педагогов [13, S. 138–139]. В некоторых университетах преподавательский штат состоял целиком из мужчин: университеты Эрлангена, Кенигсберга, Тюбингена, Мюнстера. Больше всего женщин работало в Берлине (14) и Гамбурге (13). По данным 19 университетов, в которых суммарно работало 60 женщин, 23 (38,3 %) из них были уволены. Если сюда добавить 3 женщин-ученых, ушедших «добровольно», то процент возрастет до 43,8 % [11, S. 141–142]. Среди них была математик Э. Нетер, первая женщина приват-доцент в Геттингенском университете, которую Эйнштейн назвал «самым значительным творческим математическим гением (женского пола) из родившихся до сих пор» [1].

⁵ В период нацистского режима существовал слоган, призывавший к единству всех работников интеллектуальной и производственной сферы, т.е. союз «лба и кулака».

Из позитивных тенденций в сфере высшей школы следует отметить лишь значительный рост оплаты труда университетской профессуры на основании закона «О заработной плате университетских преподавателей» от 17 февраля 1939 г. Это весьма положительно отразилось на настроениях преподавателей, да и в целом сыграло весомую роль в деле повышения престижа вузовской работы. При этом реализация данной идеи на практике столкнулась с рядом затруднений, если учесть, что менее чем через 8 месяцев началась Вторая мировая война [7].

Если подвести общий итог довоенной кадровой политики, то следует отметить, что репрессиям нацистов в университетах и высших школах подверглось около 45 % всех должностных лиц. Они коснулись в основном молодых ученых и преподавателей. Согласно внутренним спискам министерства науки, воспитания и народного образования, был уволен 1231 человек, что во многом совпадает с общей оценкой историков [12, с. 257].

В целом, высшее образование при нацистском режиме испытывало огромное давление со стороны руководства страны, хотя из-за непродолжительности нацистского периода в истории Германии говорить о фундаментальных изменениях сложно. Уже с начала установления диктатуры НСДАП были предприняты значительные усилия по ликвидации политической и идеологической оппозиции в стенах высших учебных заведений. После вынужденной эмиграции еврейских и части немецких ученых высшее образование страны было обескровлено, несмотря на то, что в нем по-прежнему оставалось множество выдающихся исследователей. Главными жертвами нацистских «чисток» стали евреи, их супруги и те, кто подпадал под определение «политически неблагонадежный». Освободившиеся места занимали «расово пригодные» и политически «правильные». Немаловажно отметить, что многие университетские преподаватели принимали сторону нацистов или, как минимум, не предпринимали каких-либо действий к сопротивлению. По большей части это объясняется как царившим в стенах вузов антисемитизмом, так и сложной экономической ситуацией в стране. В конечном итоге от «нацификации» сферы высшего образования Германия проиграла в научном плане, а ее западные соседи и США получили в лице иммигрантов выдающихся исследователей и педагогов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Беркович, Е. М. Наука в тени свастики // Нева. 2008. № 5 // [Электронный ресурс]: <http://magazines.russ.ru/neva/2008/5/be9.html> (дата обращения: 10.02.2020 г.).
2. Пленков, О. Ю. Тайны Третьего Рейха. Культура на службе вермахта / О. Ю. Пленков. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011. – 480 с.
3. Эванс, Р. Третий Рейх. Зарождение империи 1920–1933 / Р. Эванс ; пер. с англ. Б. Кобрицова. – М. : Астрель, 2012. – 640 с.
4. Dritte Verordnung zur Durchführung des Gesetzes zur Wiederherstellung des Berufsbeamtentums, vom 6. Mai 1933 / Reichsgesetzblatt 1933, Teil I. – Berlin : Reichsverlagsamt, 1933. – S. 245.
5. Erlaß über die Errichtung des Reichsministeriums für Wissenschaft, Erziehung und Volksbildung, vom 1. Mai 1934 / Reichsgesetzblatt 1934, Teil I. – Berlin : Reichsverlagsamt, 1934. – S. 365.
6. Erste Verordnung zur Durchführung des Gesetzes zur Wiederherstellung des Berufsbeamtentums, vom 11. April 1933 / Reichsgesetzblatt 1933, Teil I. – Berlin : Reichsverlagsamt, 1933. – S. 195.
7. Gesetz über die Besoldung der Hochschullehrer (Vierunddreißigste Ergänzung des Besoldungsgesetzes), vom 17. Februar 1939 / Reichsgesetzblatt 1938, Teil I. – Berlin : Reichsverlagsamt, 1939. – S. 252–255.
8. Gesetz über die besonderen Rechtsverhältnisse der beamteten Lehrer an den wissenschaftlichen Hochschulen, vom 9. April 1938 / Reichsgesetzblatt 1938, Teil I. – Berlin : Reichsverlagsamt, 1938. – S. 377.
9. Gesetz über die Entpflichtung und Versetzung von Hochschullehrern aus Anlaß des Neuaufbaus des deutschen Hochschulwesens, vom 21. Januar 1935 / Reichsgesetzblatt 1935, Teil I. – Berlin : Reichsverlagsamt, 1933. – S. 23–24.
10. Gesetz zur Wiederherstellung des Berufsbeamtentums, vom 7. April 1933 / Reichsgesetzblatt 1933, Teil I. – Berlin : Reichsverlagsamt, 1933. – S. 175–177.
11. Grüttner, M. Die Vertreibung von Wissenschaftlern an den deutschen Universitäten / M. Grüttner, S. Kinas // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. – 2007. – S. 123–186.
12. Nagel, A. C. Hitlers Bildungsreformer: Das Reichsministerium für Wissenschaft, Erziehung und Volksbildung 1934–1945 / A.C. Nagel. – 2. Aufl. – Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verl., 2013. – 448 S.
13. Tenorth, H.-E. Geschichte der Universität Unter den Linden; Band 2: Die Berliner Universität zwischen den Weltkriegen 1918–1945 / H.-E. Tenorth, M. Grüttner. – Berlin : De Gruyter, 2012. – 593 S.
14. Wehler, H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte: 4 Bde. / H.-U. Wehler ; Bd. 4 : Vom Beginn des Ersten Weltkriegs bis zur Gründung der beiden deutschen Staaten, 1914–1949. – München : C. H. Beck, 2003. – 1173 S.